

проехали внизу по дороге.

Стейнар приехал на жеребце. Этот жеребец сорвался и побежал вдоль моря. Торстейн с товарищем увидели его и удивились, потому что они не заметили, что Стейнар проехал здесь. А Стейнар снова рванулся на дюну, потому что он не видел, как Торстейн проехал мимо. А когда они опять выбрались на пригорок, Ламби столкнул Стейнара с дюны вниз. Стейнар не удержался и слетел вниз на песок, а Ламби побежал домой. Стейнар вскочил на ноги и помчался за ним. Но как только Ламби добежал до своих дверей, он вбежал внутрь и заперся. Стейнар ударил мечом так, что меч глубоко вошел в наличник двери. Так они расстались, и Стейнар пошел домой.

На следующий день после того, как Торстейн вернулся домой, он послал работника в Лейрулёк сказать Стейнару, чтобы тот перебирался за Боргархраун, иначе он, Торстейн, воспользуется тем, что у него больше людей.

– И тогда тебе уже не уйти, – сказал он.

Стейнар ушел на побережье Снефелльсstrand и там построил двор, который называется Эллиди. Так кончились раздоры между ним и Торстейном, сыном Эгиля.

Торгейр Соня жил в Анабрекке. Но он был плохим соседом Торстейну в чем только мог. Однажды, когда Эгиль и Торстейн встретились, они много говорили о Торгейре Соне, их родиче, и сошлись во всем. Тогда Эгиль сказал:

*Я единым словом
Землю взял у Стейнара.
Шем потомку Тейра
Пособить хотел я.
Сын сестры нежданно
Скверным оказался.
Странно, что не смог он
Избежать дурного.*

Торгейр Соня перебрался тогда из Анабрекки на юг, в долину Флокадаль, потому что Торстейн понял, что не уживется с ним, даже если бы и хотел этого. Торстейн был человек прямой, справедливый и миролюбивый. Но когда другие задевали его, он умел защитить себя. Поэтому связываться с ним было опасно.

Одд из Тунги был тогда хавдингом на Боргарфьорде, к югу от реки Хвиты. Он был годи и смотрел за капищем, на содержание которого все в Скардсхейде платили налог.

LXXXV

Эгиль, сын Скаллагрима, теперь совсем состарился и стал неповоротлив. Зрение и слух у него ослабели, а ноги плохо его слушались. Он жил тогда в Мосфелле, У Грима и Тордис. Однажды, когда он шел вдоль стены дома, нога его подвернулась, и он упал. Какие-то женщины увидели это, засмеялись над ним и сказали:

– Плохо твое дело, Эгиль, если ты сам валишься с ног! Тогда Грим сказал:

– Когда мы были молоды, женщины меньше насмеялись над нами.

А Эгиль сказал:

*Я как лошадь в путях —
Оступиться легко мне.
Мой язык слабеет,
Да и слух утрачен.*

В конце концов Эгиль совсем ослеп. Однажды зимой, в холодную погоду, Эгиль подошел к огню погреться. Стряпуха сказала, что странно, когда такой человек, каким был некогда Эгиль, путается теперь под ногами и мешает работать.

– Позволь мне погреться у огня, – сказал Эгиль, – не будем ссориться из-за места.

– Вставай! – отвечала она. – Иди на свое место и не мешай нам.

Эгиль тогда встал, пошел на свое место и сказал: